

The background of the cover is a vibrant space scene. In the upper right, a bright yellow and blue nebula glows. Below it, a planet with pink and white clouds is visible. In the foreground, an astronaut in a white and gold spacesuit is shown from the chest up, floating in space. The astronaut's helmet visor reflects the surrounding space. The overall color palette is dominated by blues, yellows, and pinks.

ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА

В ШАГЕ ПОТЯ РАЯ

МИР ЕДИНОЙ ГАЛАКТИКИ

СБОРНИК ОСТРОСЮЖЕТНОЙ ФАНТАСТИКИ

Евгения Кротова

В шаге от Рая

Серия «Мир Единой галактики»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69143119

Аннотация

Преступный мир галактики не дремлет. Чем более развита цивилизация, тем более изощренные способы совершения преступлений создает преступный гений. Герои сборника «В шаге от Рая» – следователи, инженеры космических станций и обсерваторий, строители амбициозных проектов, космоархеологи и контрабандисты: каждый из них сталкивается с неизведанным и распутывает хитрый клубок тайн и загадок, ставя на кон свою собственную жизнь, а иногда – жизнь целых народов.

Сборник написан в набирающем популярность жанре технотриллера – вас ждут шпионские интриги, подробности космической криминалистики и уголовного процесса, схватки и головокружительные погони на границе миров.

В сборник вошли как уже известные читателю рассказы, так и новые истории и миниатюры.

Содержание

Исчезнувшая галактика[1]	4
Проект «Омега»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Евгения Кротова

В шаге от Рая

Сборник остросюжетной фантастики

Исчезнувшая галактика¹

Инерционные двигатели выключены. Раскрыв защитные купола, два небольших фрегата скользили след-в-след на маневровых.

Нет. Не скользили. Крались.

Пробирались ощупью, словно слепцы вдоль обрыва. Дифферент на правый бок. Десять градусов. Уклонение два. Дифферент на левый борт, девиация сорок. Россыпь золотистой пыли по визирам – экраны обзора припорошило частицами встречного вихревого потока. Будто пригоршней снега в лицо.

– Самый малый вперед, – голос капитана в наушниках, тихий и размеренный, словно ничего не происходило.

¹ Рассказ-победитель конкурса фантастического рассказа «Поехали!», вошедший в сборник Роскосмоса и в октябре 2021 года направленный на Международную космическую станцию в библиотеку космонавтов.

Ничего и не происходило. Рядовой рейд в нерядовую зону. Куда никто никогда не ходит. Вместо которой на навигационных картах – серые безликие пустоты и маркер сигма с тройкой в качестве индекса. Зона, запрещенная для навигации.

Зона, которой нет.

Как бы нет.

Два судна вгрызались в жерло вихревого потока. Пробирались медленно, в обход патрулей. Только им известной тропой.

– «Агей», как слышишь меня? Уплотнение потока прямо по курсу. Готовь плазму. На 38 делай.

– Слушаю, «Аякс», уплотнение потока подтверждаю. Коэффициент уплотнения восемь. Углубление три. Иду на 2-18 за тобой. Ориентируюсь на твой правый маневровый... Задержи скварр такую погоду.

Штурман «Агея», землянин Арх – мрачный громила, который едва помещался в узком навигаторском кресле, уставился на экран локатора: зеленый луч скользил по нему, обрисовывал края тесного словно бутылочное горлышко фарватера и освещал хвост шедшего впереди «Аякса» – фрегат шел уверенно, хоть и на минимальной скорости. Сразу чувствовалось, что знает фарватер как свои пять пальцев.

Всегда хорошо, когда ведущий в группе знает фарватер, как свои пять пальцев. Даже если этих пальцев четыре, как у Арха: мизинец он потерял в этом году, когда выбирался с

угольной Фрей. Но такова жизнь галактических контрабандистов. Сегодня ему повезло – его взял в команду сам Киль Сурфок: молодой, чертовски удачливый контрабандист, который, по слухам, работает сразу на несколько правительств и несколькими же правительствами финансируется. Попасты в его команду – это обещание головокружительного впечатления и золотой билет. Возможно, хотел кого-то другого, но поблизости оказался только Арх, и ушлому клириканцу пришлось соглашаться на него. А может, кого-то другого Сурф просто пожалел, а его, Арха, готов отправить в расход – кто знает, что у этих клириканцев на уме.

Землянин невесело хмыкнул, почесал небритую щеку: надо было привести себя в порядок, к черту суеверия не бриться до конца миссии. Сейчас не чувствовал бы себя в команде аборигеном. «Хотя... – он вспомнил опасливые гримасы, которыми его провожали члены экипажа, и расслабился: – бояться, значит, уважают». Отработает это дело и выторгует себе условно-досрочное освобождение.

– Арх, ты там не уснул? Не вижу подготовки плазмы, – голос капитана Сурфока в динамиках вернул в реальность. – Минута до сближения...

Арх вывернул джойстик, активировал плазменную пушку.

– Сколько нам еще до выхода, Сурф? Плазма фонить будет у диспетчеров на датчиках, боюсь, могут быть нежелательные гости.

– А ты мягонько плотность потока срежь и выключай, – посоветовал капитан. Добавил беззаботно: – Ни черта они не увидят через такую навигацию.

Сурфок знал, что землянин прав – этот сектор под бдительным контролем. Фарватер, которым они шли, давно нервирует спецслужбы, так что персональный датчик активности по их души уже давно поставлен. А это значит, что любое изменение плотности и вязкости потока будет расценено как попытка прорыва. С вызовом соответствующих товарищей, который им совсем не товарищи.

Особенно сегодня.

* * *

*Несколькими неделями ранее,
галактическая тюрьма для особо опасных преступников*

Калипсо, приграничный сектор

Киль сразу понял, что нащупал нечто особенное, когда получил анонимное сообщение с правительственной маркировкой – сигма-3. Высшая степень секретности. Его принес лично начальник тюрьмы, прямо в камеру, где контрабандист Киль Сурфок, более известный криминальному миру как Сурф, отбывал пожизненное за контрабанду и угон торгового каравана. Ну, как отбывал. На полном гособеспечении, под надзором и с охраной, с оплачиваемым отпуском

два месяца в год и личными апартаментами с бассейном и программируемым видом на любую точку галактики. Такие люди как Сурфок всегда на особом счету у правительства – всегда нужен человек, который достаточно опытен и беспринципен, чтобы что-то у кого-то украсть. Артефакты, данные, информация, компромат, грязное белье из прошлого видных политиков – Киль не гнушался ничем, а информаторам платил щедро и исправно, не имея недостатка в тех, кто купит нужную информацию и с лихвой возместит расходы.

Когда в то утро на пороге его камеры появился начальник тюрьмы, Сурф как раз допивал утренний кофе, любуясь восходом на родном Клирике. Оранжево-розовые всполохи над зубастой, словно акуля пасть, равниной, прозрачный дымок над сонным океаном собирался в лощины и прятался от палящего зноя.

Войдя в камеру, начальник тюрьмы неодобрительно глянул на нежно-голубой шелковый халат заключенного и тощую грудь, которую тот даже не потрудился прикрыть, продолжая нежиться в кресле.

– Доброго утра, господин Сурфок.

Молодой клириконец ему лениво кивнул, отпил кофе и демонстративно прикрыл глаза, наслаждаясь то ли напитком, то ли неловкостью ситуации, в которую угодил шеф тюрьмы.

«Сопляк», – выругался тот и, не дождавшись приглашения, сел в кресло напротив.

Он был немолод, начальник галактической тюрьмы, мрачен и, кажется, не слишком жаловал свое место службы. Во всяком случае, среди заключенных ходили слухи, что шеф Борозо отправил очередной рапорт с просьбой о переводе в другое ведомство руководству Департамента отбывания наказаний. Судя по кислому виду, опять получил отказ.

Борозо скрестил короткие нескладные ноги. Задумался.

Киль лукаво усмехнулся: появление в рационе настоящего молотого кофе с Земли, как и визит начальника Борозо, – предвестники серьезного разговора. Поэтому позволил себе не ответить на приветствие. Начальник тюрьмы хмурился, неловко поправил нашивку и проверил надежность клапана с пневмопистолетом.

– Не на что не жалуетесь, нет?

Заключенный приоткрыл глаз, ухмыльнулся: «Ну, точно, у кого-то завелись лишние деньжата».

Но вслух поинтересовался:

– Мое прошение на отпуск до сих пор не рассмотрено?

– Лежит у меня на столе, первым номером, – заверил Борозо и осклабился: – Как одно порученьице выполните, так сразу и загляну.

Он достал из внутреннего кармана тонкую пластинку креодиска, положи ее на столик перед Сурфоком. И сделал приглашающий жест.

– Ознакомьтесь. Я свяжусь с вами позднее.

Дождавшись, когда Борозо покинет камеру, Сурф загру-

зил креодиск. Внутри – две папки. Он открыл первую – перед ним распустилась виртуальная копия каменного цветка. Сотня тонких полупрозрачных лепестков подрагивали в силовом поле, идеальные пропорции идеально скроенного аппарата. То, что перед ним – не украшение, Сурф сразу понял, едва заметив в сердцевине цветка голограмму госархива.

Этого оказалось достаточно, чтобы он понял суть задания.

Контрабандист откинулся на спинку кресла, побарабанил подушечками пальцев по гладкой поверхности стола. Хочет ли он открыть вторую папку и узнать имя заказчика? Он мысленно прикинул объем работы. Собрать команду, это раз. Подготовить оборудование, это два. Пройти на закрытую территорию – это три. Учитывая, что патрули в последнее время открывали огонь на поражение прежде, чем ты успеваешь открыть папку с путевыми листами, то нужна еще вуаль. И точные координаты артефакта.

Он снова посмотрел на каменный цветок. Что это? Для чего он использовался?

Контрабандист запахнул полы шелкового халата, прошел к информеру. Оглянулся через плечо на мерцавшую виртуальную копию цветка и набрал в поисковике: «устройство», «цветок», «госархив». Экран покрылся сеткой из ссылок и изображений. Сурф последовательно открывал одну за другой. «Самый таинственный артефакт погибшей цивилизации атавистов», «уникальный накопитель информации», «неизвестная технология», «миллиарды байт информации», «потенциаль-

ная опасность» и «ликвидация в результате аварии на научно-исследовательской базе». Все они были связаны с одним устройством. Энергбном.

«Хм, ликвидация, вы говорите?».

Он решительно вернулся к столику, и открыл вторую папку.

Короткое сообщение. Всего три строки.

Первая – шесть пар цифр. Вторая – шестизначное число. Третья – буквенно-цифровой код.

Точные координаты артефакта, сумма сделки и дата ее исполнения.

– Хм, надо же, – контрабандист задержал взгляд на сумме: щедрая оплата, ничего не скажешь, которая с одной стороны говорит о страстном желании заказчика обладать вещицей, а с другой – о степени опасности предприятия.

Он подгрузил навигационную карту, ввел предложенные координаты, присвистнул: путь за артефактом лежал не много-ни мало, но в сердце сектора Галоджи, в прошлом – разрушенный научный комплекс. Зона помечена на официальных картах, как запрещенная к посещению: потоки космической пыли с непрогнозируемым векторами движения, сложная схема пилотирования, многочисленные обломки. Сверился с присланными данными и сделал поправку на время – нужная точка приблизилась, практически выйдя за границы опасной зоны.

Идеально.

Сурф отложил карты, скрестил руки на груди – степень информированности заказчика говорила о том, что, если сейчас оказаться от заказа, то есть риск прожить в лучшем случае до вечера. А если согласиться, то есть риск не выбраться из приграничной зоны. Обе перспективы не из приятных. Правда, сумма вознаграждения по второму сценарию могла сильно сгладить неудобства.

Вздыхнув, вызвал через дежурного начальника тюрьмы.

– Мне нужны мои люди. Все.

– Сделаю.

– Корабль...

– Я предоставлю.

– Нет. Я пойду на моем «Аяксе», надеюсь, вы завершили его плановый осмотр и техническое сопровождение после предыдущей миссии. В качестве корабля прикрытия и техобеспечения пойдет «Агея». Обеспечьте загрузку обоих фрегатов на неделю. Комплектацией оборудованием я займусь лично, данные предоставлю ближе к вечеру, – он видел по информеру, как зеленеет узкое лицо Борозо. Самодовольно ухмыльнулся. – Еще. Нам потребуется вуаль – код блокировки для пеленг-систем пограничной службы. Возьмите это на себя. Нужно что-то реальное, чистое, надежное.

Начальник тюрьмы скривился:

– Я не располагаю такими кодами.

И тут же поймал ледяной взгляд контрабандиста:

– Обратитесь к моему заказчику, уверен, он что-то при-

думает.

Он нажал кнопку отбоя и встал к демоэкрану, переключил на обзор сектора. Перед ним, словно черное варево, бурлило Выжженное поле – территория аномальных потоков, гравитационных бурь и сегментированных разрывов пространства. Место, в которое легко войти, но почти невозможно выйти. Ему и его ребятам предстояло окунуться в сектор Галоджи, расположенный на границе с Выжженным полем, и успеть вернуться к тому моменту, когда свернется нужный им фарватер.

Непростая работка. Работка для истинных контрабандистов.

* * *

Чутье не обмануло его: выверенный до миллипарсек переход, свободный от патрулей маршрут, марш до точки входа в аномалию – Сурф мрачно щурился, вглядываясь в пеленг-строй: зеленый луч скользил беспрепятственно по темному монитору, гладил его лениво, будто уставший любовник свою давнишнюю подругу. Клириканец открыл реестр узловых точек, вычеркнул пройденные, перебросил на фрегат сопровождения обновленную карту:

– Арх, входим в аномалию. Поднимай карту, смотрите внимательно. Курс 00–10 с поправкой четыре градуса по Фáргусу. Линде проверить и приготовить к пилотированию

дроны и синхронизировать с ботами. Расчетное время входа на точку сброса, – он еще раз сверился с данными от заказчика и бортовым компьютером, активировал обратный отсчет: – сорок две минуты.

Экипаж «Агея» повторил за ним – одновременно активировали обратный отсчет на личных коммуникаторах. Арх выправил штурвал и курсовой угол, встал в кильватер «Аяксу», покосился на девушку рядом – та поправила белые, словно только-только выпавший снег волосы, затянула в высокий хвост. Граах копошился у шлюза, готовил оборудование, которое возьмет на точку сброса, и гнусаво напевал уже порядком надоевшую экипажу мелодию – шутовскую песенку клириканских разбойников.

– Я спою тебе на раз как бросало наш баркас, – мурлыкал, не попадая в ноты.

– Заткись, а? – Линда поморщилась, будто от зубной боли. – Повезло с напарничками.

Арх усмехнулся:

– Ну, с Граахом все понятно, я только за сегодня хотел его пару раз придушить. Но я-то тебе чем не угодил?

Девушка сделала вид, что не услышала его. Арх понимающе кивнул – он здесь чужой. Группа Сурфока работает таким составом пару лет. Все – проверенные бойцы, спецы от их клириканских богов. Но это не главное. Главное, что Арх – землянин. Для благородного клириканца Грааха или креонидянки Линды работать с землянином бок-о-бок – это пят-

но на репутации. Земля для старших рас – кость в горле, горстка дикарей, с которыми вынуждены считаться. В группе Сурфа с Архом не ведут разговоров, замолкают, когда он появляется в кают-компании, встают из-за стола и прерывают трапезу, если он садится обедать.

– Я что, должна с этим жалким скварром в одной рубке работать? – орала Линда, когда они садились на борт.

Сурф круто развернулся, прошипел:

– Ты будешь с ним не только работать, но и выполнять его приказы, как моего старшего помощника, – Арх с удивлением наблюдал, как с шефа в одно мгновение, словно змеиная шкура, слетела напускная миловидность и добродушие. Умный, пронзительный взгляд исподлобья, жесткая усмешка. В одно мгновение физиономия молодого клириканца стала злой и опасной. – Ты будешь жрать за ним его объедки, если я прикажу... – он повысил голос: – Повторяю для Линды и всех, кто еще не понял: Арх вместо Тэбра, который умудрился сыграть в ящик на прошлой неделе. Если кто-то не согласен, может собирать вещички и валить из группы... Я никого не держу.

Он окинул взглядом собравшихся. Линда, как и остальные, неохотно отвели глаза. И больше не спорили. Но при любой возможности делали вид, что Арха не существует.

Вот и сейчас Линда демонстративно притянула к себе панель управления ботами, перевела джойстик в рабочий режим, дождалась, когда перед ней оживет монитор: по темно-

му экрану поплыли светло-серые точки. Это подключились внешние камеры и визиры, транслируя на монитор структуру внешних сред. Девушка ввела код, изменила настройки чувствительности панели и провела рукой по матовой поверхности: по ней пробежала рябь. А в следующее мгновение Линда опустила подушечки пальцев в него, словно в ванну с гелем: щупы повторили ее движения, мягко вернулись в пазы.

– Боты готовы, – отчиталась капитану.

– У меня тоже все готово, – сообщил Граах и вернулся на свое место.

«Аякс» молчаливо скользил впереди.

– 2-15 до прокола, – голос Сурфока из динамика.

Линда и Граах проверили крепления ремней безопасности. Девушка положила руки на подлокотники и опустила голову на подголовник. Прикрыла глаза. Граах, наконец, тоже перестал петь и умолк.

Корабль Сурфа занял исходную позицию, капитан начал обратный отчет:

– Выходим в устье гравитационной аномалии. Фиксирую точку Фаргуса по приборам. Пять... Четыре... Смещение конфигурации один. Три... Два... Смещение гравитационного поля три целых восемь десятых. Готовность к проколу... Прокол!

Пустота перед носом «Аякса» полыхнула красным, загорелась. Космическая пыль медленно пришла в движение, за-

крутилась спиралью, нехотя освобождая пространство: внутри вихря сформировался полый вояд. Как подслеповатый глаз гигантского осьминога.

«Аякс» устремился в него. «Агей» – следом. А следующее мгновение вывалился в мутную пустоту. Куда не глянь – мелкая космическая пыль и ледяные обломки. Казалось, что они застыли, будто мошки в смоле: любая гравитационная аномалия связана с течением времени.

Мгновение. Еще одно.

Датчики забеспокоились, один за другим ушли в красную зону, наперебой сообщая о нарушениях в системах: распознавание, детектор внешних сред, анализатор гравитационного склонения, курсоуказатель.

Арх ввел код корректировки – 0,2. Счетчики вернулись в зеленую зону.

– Сурф, коэффициент аномалии 0,2, – сообщил с облегчением.

Но прежде, чем успел договорить, все опять полыхнуло красным. Сурф усмехнулся:

– Уже нет... Ставь плавающих алгоритм. Будем править вручную...

Они зависли над бурой глыбой. Гигантский астероид, по форме напоминающий старый растоптанный ботинок со срезанной в нескольких местах «подошвой», медленно вращался вокруг своей оси. В гладких, будто отполированных площадях отражались два фрегата – остроносый «Аякс» и юр-

кий многофункциональный «Агей».

– Все, на месте, – скомандовал капитан. – Приготовиться к выброске.

Граах поднялся, важно направился к выходу из рубки, подхватил по дороге чемоданчик с пиратрилом – дорогой взрывчаткой, доступной лишь по спецзаказу с правительственных складов. То, что она не ворованная, Арх не сомневался – на каждом из баллончиков значилась печать конфедерации и дата упаковки: вчера.

Землянин прищурился, с сомнением покачал головой – может, и зря он в это дело ввязался. Как знать, вдруг ставки в игре так высоки, что жизнь отдельно взятого землянина, приговоренного к пожизненному заключению, не стоит даже тех заверений, которыми его снабдили перед посадкой на «Аякс».

«К черту, – мысленно выругался, – теперь не отмотаешь».

Пальцы скользили над интерактивной панелью, водили коды команд и архивировали данные переброски – привычка подчищать за собой еще с Земли. Задержались на выпуклой алой кнопке – под брюхом «Агея» хрустнуло: фрегат выбросил якорь, закрепился над каменистой поверхностью астероида. Арх проверил надежность крепления стоек, дернул вверх джойстик загрузки ботов. Сделал многомерную 3d съемку поверхности под брюхом корабля, и сохранил на свой персональный коммуникатор. Дождался зеленого индикатора на табло. Ввел код активации: корпус корабля дернулся,

заскрежетали крепления аппаратов, заставив землянина поморщиться – скрежет хуже, чем железом по стеклу, внутренней скрутило от мерзкого звука.

И только после этого встал из-за пульта, сделал несколько махов, расслабляя затекшие плечи, и направился к выходу из рубки.

– Граах, ты так торопишься, будто надеешься урвать горсть алмазов сверх оплаты, – хохотнул, минуя мембрану. – Сурф с тебя шкуру с живого снимет... Ну, ты, впрочем, в курсе.

Но клириканец сделал вид, что не услышал, прошел в скафандровую: через полупрозрачную гермопреборку Арх видел, как тот сунул ноги в закрепленный в нише скафандр. Притормозив, землянин резко развернулся и столкнулся с Линдой, вышедшей из рубки следом. В одно мгновение, будто заранее ожидая, что они окажутся нос к носу, приподнял девушку под локти и уволок за стойку с газовым оборудованием.

– Лин, ты долго будешь на меня дуться? – склонился к виску и попытался поцеловать.

Креонидянка сверкнула глазами, увернулась. Уперлась ладонями в грудь землянина:

– Отвали, Архипов, – двинула кулаком под ребра.

Услышать от нее свою земную, почти забытую здесь, фамилию – это словно на вечер выпускников сходить. Парень поморщился, виновато улыбнулся:

– Ну, Лин... Ну ты же знаешь, я невиноват, – еще одна попытка поцеловать. Ладонь легла на девичью талию, скользнула по бедру. – Если бы не твой шеф, я бы до сих пор гнил в той дыре, куда меня упек Трибунал после Фрей...

Девушка отвернула лицо, но подставила для поцелуя шею. Архипов осмелел, привлек ее к себе и, приподняв подбородок, жадно поцеловал. В ушах зашумело, с плеч будто стонную глыбу сбросили, а девушка в его руках стала мягче церковного воска. Запрокинула голову и отзывалась на ласки жарко, беззастенчиво.

– М-м, Лин, солнце, я так соскучился... – еще один поцелуй: – Моя зайка.

Она расслабилась только на миг, ровно до того момента, пока он не произнес это слово – «зайка». Ее передернуло. Порывисто оттолкнула Арха и прошипела в лицо:

– Сколько можно говорить – не называй меня так! – она покосилась за стойку, где все еще копошился со скафандром и заунывно пел Граах.

Архипов прислонился плечом к стене, сунув ладони под мышки и скрестил руки на груди. Лукаво улыбнулся:

– Зря ты так... Они милые.

– Они зубастые, с огромными ушами и воняют! – Линда втянула голову в плечи, сморщила нос, и, выставив вперед верхнюю челюсть, пошамкала ей, изображая грызуна. – Бр! И еще они постоянно сношаются...

Архипов скептически хмыкнул:

– Ты путаешь с кроликами... А зайки милые.

Он протянул руку и по-кошачьи мягко подцепил пальцем пояс на брюках девушки, попробовал притянуть к себе. Линда ударила по руке:

– Не лезь ко мне! – оттолкнула его от себя и выскользнула из укрытия в коридор.

Как раз вовремя – Граах обернулся, рассеянно прищурился, вглядываясь сквозь мутную поверхность мембраны. Архипов мечтательно вздохнул, проводил взглядом креонидянку.

Шумно откашлявшись, кивнул на бортовые часы и крикнул застывшему в недоумении Грааху:

– Готовность две минуты.

Он посмотрел на демоэкран: «Аякс» тоже закрепился над поверхностью гигантского астероида. По сведениям таинственного заказчика, объект, который им предстояло найти, находится здесь. Кстати, что они должны были найти, Сурф еще не объявил – секретная информация обещана участникам спуска за минуту до выброски. Землянин почесал подбородок: еще один «пунктик» за то, что операция предстоит не из простых.

Надел скафандр, поправил персональный коммуникатор, проверил эластичность сгибов в локтях и запястьях, попрыгал – дурацкая привычка еще со времен спецназа: инструктор научил проверять таким образом крепление оружия и техсредств. Подумав, вложил перочинный нож в наружный

карман на бедре и закрепил плазменный под креплением ин-теркома.

Бросив короткий взгляд на замершего у люка Грааха, сообщил капитану:

– К выброске готовы.

– Стартуем. – Голос Сурфа из динамика. – Иалис, парни.

«Иалис» – по-клирикански «за работу», с пожеланием успеха. Архипов никак не мог привыкнуть к этим словечкам, все время казалось, что слышит эльфийскую речь. И на фоне утонченных клириканцев реально чувствовал себя гоблином. Или вообще – троллем, если посмотреть на ангельски-прекрасных креонидянок. Он улыбнулся, мысленно представил, как обнимет Линду по возвращении. Кажется, она близка к тому, чтобы простить его за двухмесячное отсутствие. Но он не лгал – с нижнего уровня галактической тюрьмы можно выбраться только если за тебя хлопочет лично начальник этого богоугодного заведения.

Как бы то ни было, снова в камеру он не вернется: «Не такой человек Саня Архипов, чтобы дважды попадаться».

Саня Архипов – почти забытое имя, которое дали родители. Заснеженный сибирский городок, неглубокая река, зимой промерзавшая до самого дна, запах печного дыма, а еще колючая щека отца – это все, что осталось от прежней, догалактической жизни. Давно не осталось ни отца, ни матери, а дом продан чужим людям. Остались только воспоминания. Да и от самого Сани Архипова осталось только куцее про-

звище Арх.

Правда, ему нравилось, как оно слетало с губ белокожей Линды.

Парень откашлялся, возвращая себя к работе.

– Чего рычишь в ухо, – Граах не преминул проворчать, демонстративно постучал в наушник.

– Проверяю твой музыкальный слух, – Саня усмехнулся, но громкость микрофона уменьшил.

Он поправил страховочный трос и шагнул за манжету стыковочного рукава в пустоту. Вакуум подхватил его, развернул над поверхностью астероида. Архипов отчетливо видел ровные ряды сооружений, остовы домов и обрывки дорог под собой. Получается, астероид был когда-то обитаемой планетой. Архипов пытался вспомнить какие-то сведения о секторе, но ничего, кроме обрывочных сведений в памяти не всплывало. Бот уже завершил сканирование поверхности и дна расселины, перебросил участникам спуска первичные, пока не обработанные данные.

Щелкнула внешняя связь.

– Итак, парни, обещанный инструктаж, – голос Сурфа. Деловитый, спокойный и уверенный. – Перед нами – планета Галоджи, центральная планета сектора до аварии. Вернее, то, что от нее осталось... Самый крупный фрагмент, который на картах значится под номером ЗН-28. По имеющимся архивным данным, планета со спутниками представляла собой конгломерат научно-исследовательских лабораторий и баз.

Считается, что здесь проводился ряд экспериментов в области физики, химии и динамики вещества и пространства... Ходят слухи, что в ходе экспериментов местные ученые раскрыли секрет происхождения Вселенной и создали галактику, разрушив все стереотипы.

Граах присвистнул.

– ... Но подтвердить, ясное дело, никто это не может. Никакую галактику тут никто не видел, разве что только воспаленный мозг бедных академиков... В любом случае, уникальное оборудование осталось. Это факт... ЗН-28 пострадала меньше других, а учитывая ее удаленность от внешней границы аномалии Галоджи и труднодоступность, еще и не тронута нашими коллегами.

– Ух ты, – присвистнул Арх. – Прямо галактическая Троя...

– Что? Что значит «Троя»? – не понял клириканец. – В любом случае, забираем только то, за чем сюда прибыли, это понятно, я надеюсь?

– Сурф, а что было конкретно на этом обломке планеты? И что мы должны найти в итоге? Не на экскурсию же ты нас привел? – Архипов методично передвигал затянутыми в перчатки руками по страховочному канату, спускался на поверхность. Двенадцать метров под светящимся бортовыми огнями брюхом «Агея».

Отсюда поверхность ЗН-28 выглядела похожей на разбитую елочную игрушку – такая же гладкая, хрупкая, с остры-

ми и рваными краями разломов.

«Внешний купол?» – предположил Архипов прежде, чем достиг поверхности, прокрытой корочкой хрусткого льда вперемешку с пылью и пеплом.

Он закрепил конец выброски и подбросил маячок-бур вверх – чтобы не потеряться самому, и чтобы робот видел, откуда его подобрать по завершении миссии. Боковым зрением отметил, что Граах также закрепился на поверхности и выбросил свой передатчик, а по соседним тросам уже завершают спуск Фрил, Арлан и Тайго – взрывотехники и поисковики команды Сурфока. Все трое – если верить внешности – креонидяне, все трое – с парой десятков успешных операций за плечами и как минимум десятью пожизненными приговорами на троих.

Сурф откашлялся в динамике – очевидно, устраивался в кресле:

– Мне нравится твоя любознательность, Арх. Но давай так: твоя группа оказывается под поверхностью, делаете съемку. А там я оцениваю увиденное и решаю, двигаемся дальше или возвращаемся.

Архипов понял главное: то, зачем они сюда притащились, стоит всех их жизней вместе взятых. «Черт вас всех подери».

Он заглянул в расщелину: маслянистая и топкая чернота. Ни блика, ни лучика.

– Линда, света добавь. И угол дай шире... Не видно ни черта.

Он знал, что девушка следит за ним из операторского кресла, ему даже казалось, как ее взгляд щекочет между лопатками. И от этого становилось тепло на душе.

Вздыхнул.

Сердце замирало от мальчишеского восторга. Наверно, так старина Шлиман чувствовал себя, когда открыл Трою. Оранжевый луч осветил параллельные ребристые трубы, ряд турбин, нетронутых катаклизмом, припорошенных космической пылью, и выпуклую полусферу засыпанного купола. Все выглядело так, будто лаборатории Галоджи находились под поверхностью, укрытые от посторонних глаз. «Если это, конечно, лаборатории», – Архипов отправил картинку на борт «Аякса».

– Хорошо, Арх, спускаемся, – удовлетворено скомандовал Сурф.

– Ну, спускаемся так спускаемся, – пробормотал Архипов, махнул рукой Фрилу и Арлану спускаться первыми. Следом – они с Граахом. Тайго оставил на подстраховке.

Устроился на верхней платформе рабочего бота. Активировав двигатели, тот ловко нырнул под верхний панцирь. Узкий луч прожектора выхватывал то гладкие стены, то сооружения наподобие гигантских сот – полые восьмиугольные остовы с уходящими на неизвестную глубину норами. Еще пятнадцать метров вниз, и группа спустилась в центр площади, на полированные треугольные плиты.

Персональные коммуникатор выбросил обновленный

анализ внешней среды. Здесь оказался ниже уровень радиации, выше – газов с примесями космической пыли и выше концентрация кремния.

Граах, склонившись над монитором, отметил:

– Хм, странно, здесь и атмосфера какая-то есть. Ну, понятное, остаточная, к жизни не пригодная, но можно провести анализ, чтобы понять, что было до катастрофы... – Он прищурился, выслушивая ответ Сурфа, пожал плечами: – Как знаешь. Я б торганул... Информация о Галоджи сто-сто пятьдесят тысяч тумаров да стоит...

Архипов заметил, как клириконец тайком настроил программу забора вещества, огляделся. По углам площади площадь, на которую выходило три сооружения – гигантские ворота были сорваны с петель, тросы непонятного Архипову назначения исчезали в глубине. два входа были почти полностью завалены камнями, оплавились. Еще один выглядел вполне подходящими для прохода.

– Держитесь левее.

Архипов огляделся:

– Левее – это ты имеешь ввиду вон туда? – взгляд уперся взглядом в единственный уцелевший проход.

Вместо ответа, Сурф бросил координаты с привязкой к местности, Арх, прищурился, поманил к себе дрона, направил его внутрь.

К нему нехотя подошли Фрил и Арлан; Граах с любопытством сунулся в ближайший разрушенный тоннель, при-

свистнул:

– Что это, интересно? Лаборатории? Катакомбы? Оранже-рей?

– Или норы, в которых обитали гигантские черви, – рассеянно добавил Арх и с удовольствием отметил, как вся троица передернула плечами. Усмехнулся, сверяясь с данными дрона: – Дрон не фиксирует дно, но подтверждает довольно приличной ширины тоннель... Из резолита. Мы пройдем, я считаю. Единственное, вижу, что там разветвлённая сеть тоннелей, заблудиться можно на раз-два.

– Используйте маячки.

Архипов бросил свободный конец троса в разлом, переключил индивидуальную связь с «Аяксом»:

– Сурф, я не специалист по Галоджи. Но резолит, которым обшиты стены технического тоннеля, он и здесь, на площади, используется. Я готов дать голову на отсечение, что мы идем не через парадный вход. Ты посмотри на данные гравитационного фона, которые приходят от дрона. Он растет. Там внутри – источник гравитации.

– Там храм Се-Терры, – отозвался контрабандист.

* * *

Архипов чертыхнулся: час от часу не легче. Храм Се-Терры – та самая лаборатория, выжившие ученые которой получили огромные сроки после аварии, а заведующий лабо-

раторией вообще был приговорен к смертной казни. Сейчас он бы немало отдал, чтобы хоть одним глазком заглянуть в материалы секретного уголовного дела и понять, что ждет их внизу.

Дрон считывал сеть тоннелей, оставлял на темном мониторе зеленые линии маршрута, иногда отклоняясь от основной линии из-за повреждений трубы. Некоторые рассыпались веером, некоторые – уходили в глубь планеты и терялись за пределами досягаемости луча. Низкочастотные вибрации улавливались датчиками все отчетливее. Мерный гул шел от резолитовых стен. Сигнал то усиливался, то ослабевал.

– Сурф, ты слышишь это?

– Слышу. Источник на два градуса левее нулевой отметки...

– Ошибка в координатах? – Арх сомневался, что это так. Клириканец помолчал.

– Нам дали координаты нахождения артефакта. Источник вибрации, скорее всего или остаточный, или спровоцирован каким-то работающим элементом оборудования... Арх, не задавай вопросов, на которые не может быть ответов.

Архипов ловил, что Сурф начал нервничать.

Он методично складывал то, что узнал от капитана: лаборатория, запрещенные эксперименты с гравитацией, авария, упакованный под саркофаг обломок планеты.

– Эх, Сурф... Скажи мне, как честный вор честному во-

ру... Мы же лезем в некрополь Се-Терры, верно? За какой-то из разработок сумасшедших ученых?

Клириканиец усмехнулся:

– Ты мне нравишься, Арх, – отметил лениво и нарочито небрежно. – Ты умеешь читать между строк... Опасное качество, мой друг.

Землянину показалось или его напарники, следовавшие рядом, оглянулись. Одновременно. Так, словно кто-то упомянул его, Арха, по внутренней связи.

Это обстоятельство, голос контрабандиста и сказанное им легли в груди ледяной шугой, зашевелилось в предчувствии. На коммуникатор выплыло сообщение от Линды. «Маячок на скафандре включи. Я хочу тебя видеть».

Тыл. Линда может стать его тылом. Если захочет, конечно.

Но дополнительный маячок активировал.

«Сигнал четкий», – подтвердила Лин.

Тоннель сузился, превратившись в эллипс.

– Тормози! – Арх вскинул руку, останавливая бот Фрилу и Арлана. – Загружаем дроны и навесное оборудование, закрепляемся за обрешетку трубы и спускаемся вниз... Пока мы готовим выброску Грааху – сделать подробную визуальную картинку по помещению внизу с анализом сред и сканированием плотности вещества. Данные сбросить на персональные коммуникаторы группы и Сурфу. Фрилу и Арлану подготовить безопасные спуски вниз.

Наблюдая, как все трое выполняют его распоряжения, он

вызвал Сурфока:

– Киль, мы почти на месте. Еще есть особые распоряжения?

– Я жду визуал...

– Сейчас будет, Граах этим как раз занимается... Я о другом... Ты мне больше ничего не хочешь сказать?

– Я думаю, на координатах ты все увидишь, – Сурф опять уклонился от ответа, нажал отбой.

Архипов помрачнел:

– Ну, на месте так на месте. – пробормотал. Обернулся к Грааху: – Что там с картой?

Коммуникатор принял сообщение от клириканца – подробная схема некрополя. Гигантский икосаэдр-двадцатигранник. Каждая сторона – правильный равносторонний треугольник. Нижняя грань лежала горизонтально и, вероятно, служила полом-основанием. В каждой вершине смыкалось пять треугольников. В одной из таких вершин и находилась сейчас группа Арха.

– Арлан, остаешься здесь, на страховке. Граах и Фрил – вторым ботом, идете вместе. – Сверился с часами. – Иалис!

* * *

Линда кусала губы, взгляд то и дело искал маячок на интерактивном табло. Всякий раз она сверялась с биотелеметрией – жизненные показатели в норме. Даже давление не по-

высилось. А вот пульс скачет – ее Архипов нервничает. «Надо было идти с ним», – Линда с сожалением вздохнула. Поздно. Сейчас остается только вслушиваться в их переговоры и надеяться, что все быстро завершится, и они уберутся из сектора.

* * *

Он шагнул к боту, заметив при этом, что на Арлан, ни Фрил, ни Граах не пошевелились. Он медленно обернулся, посмотрел на них сверху-вниз: пани переминались с ноги на ногу, смотрели исподлобья, настороженно и непримиримо.

– В чем дело? Мне повторить? – Архипов возвышался над ними.

Парни переглянулись:

– Там ничего нет, – за всех ответил Граах, кивнул на схему, – ты же видел. Сурф ошибся.

Архипов усмехнулся:

– У вас так принято в команде – обсуждать приказы капитана?

– Каждый за себя. Это закон. Сурф знает, – отрезал Фрил. В его руках мелькнул пульт управления ботами. – Мы возвращаемся на корабль.

– Арх, что там у вас, почему не спускаетесь? – прошеле-стел из динамиков Сурф.

Фрил шагнул к боту, завел его, Граах положил ладонь на

ручку своего. Он смотрел на Арха с опаской, стараясь держаться подальше.

– Не смей, – Архипов предостерегающе поднял вверх руку, потянулся к плазменному ножу. Фрил перебросил ногу через сидение и нажал кнопку активации маршрута. – Стоять!

Архипов схватил спинку сидения, бот, управляемый креонидянином, дернулся назад, сбив землянина с ног.

Низкая гравитация сделала свое дело – удара оказалось достаточно, чтобы Архипов вылетел с площадки и, не успев схватиться за край обрешетки, полетел вниз.

Темнота вокруг ожила.

Светло-голубые точки из глубины резолитовых плит собирались в ручейки, группировались, искажая реальность. Из их один за другим выдвигались шипы, росли, пронизывая пространство, наполняя его едва заметным бледным светом. В одно мгновение вся внутренняя поверхность стен некрополя ошетичилась сотнями клыков, как гигантская акуля пасть. Падая спиной вниз, Архипов несколько раз взмахнул плазменным ножом, чтобы срезать острый шип – те осыпались дождем.

– Черт...

– Что там у вас?! – голос Сурфа.

Успел сгруппироваться и приземлился более-менее сносно.

– Хрень тут у нас, – процедил Архипов.

Посмотрел вверх.

Что там у инквизиторов было с гвоздями внутрь? Железная дева? Тонкие иглы прошивали пространство до купола сооружения, словно морской еж, вывернутый на изнанку. Над головой бабочкой, нанизанной на иглу, замер дрон, тускло светил прямо перед собой и немного вниз – на Архипова.

– Арх, что там у вас. Почему не отвечаете?

Архипов проверил связь на персональном коммуникаторе – исходящий сигнал пульсировал. Сделал несколько осторожных шагов в сторону – надеялся найти точку выдачи сигнала от передатчика на дроне. Коммуникатор сработал сообщением от Линды: «Вижу тебя!». Архипов с сожалением поморщился – ответить все равно не получится.

Шкала исходящего сигнала метнулась в зеленую зону:

– «Аякс» прием. У меня тут сюрприз... Даю картинку, подтверди получение, перехожу на аварийный протокол. Группа вышла из подчинения, забрав оба бота, направилась на поверхность, встречайте. Подтвердите получение моих координат... Я того, здесь сдохнуть не хотел бы.

Он отправил изображение Сурфу. Знал – Линда тоже увидит. Пока огляделся.

– Сделай рекогносцировку по координатам, – скомандовал Сурф.

Архипов усмехнулся:

– Да лажа тут, Сурф. Голые стены и фигня вот эта. При

этом, она еще и фонит жутко, – он сверился с датчиками. – Предполагаю, помехи из-за пришедшего в активность резолита.

«Архипов, осторожнее там! – снова персональное сообщение от Линды. – Я еще слишком на тебя сердита, чтобы переживать твою смерть!»

Парень спрятал улыбку – волнуется. Осторожно ступая, направился ближе к центру. С сомнением взглянул покаленного дрона, попробовал вызвать с ним связь и изменить радиус освещения. Прожектор, пару раз рыкнув, понуро сдвинулся за человеком.

– Пусто. Здесь ничего нет, – отозвался Архипов, отправляя на «Аякс» видеосъемку абсолютно пустого помещения.

Он примерился, подпрыгнул к нижнему ярусу шипов, попробовал подтянуться и забраться на него с ногами.

«Ты рассыпаешься», – это сообщение от Линды, он смог прочитать его, вглядываясь сквозь рябь помех. Отошел на свое прежнее место, но ничего не изменилось – на экране теснилась сетка помех. Архипов менял частоту, дистанционно запускал и выключал передатчик, перезагружал систему. Прожектор, мигнув пару раз, тоже погас, оставив землянина в полной темноте. Если не считать красного монитора на интеркоме. Но вскоре погас и он.

И тогда Архипов увидел.

Стены будто вспыхнули. Это был не ровный свет, какой обычно исходил от ламп. Это больше всего походило на про-

екцию света. Многоуровневый, глубокий, который создавал оптическую иллюзию погружения в него, как искрящуюся смолу, свет тонкими узорами струился по стенам, собирался у основания игл и бежал по ним, устремляясь к острию. А с него стекал наподобие березового сока – медленно, капля за каплей, перетекая с одного шипа на другой, пока не оказывались в самом низу. Архипов проследил за ними – они падали в центр площадки, проникая под нее. Вся поверхность резалита вибрировала, будто живая. Он улавливал это через скафандр, боролся тошнотой, давлением под ребрами и ватной глухотой.

– Мать моя... – прошептал и шагнул ближе к льющемуся потоку.

Как в детстве, когда смотрел в калейдоскоп, Архипов не мог оторвать взгляд от происходящего, завораживающая красота манила. Шаг за шагом он оказался рядом с потоком, покосился на «мертвый» интерком.

– Что же ты такое? – спросил у потока, не сразу заметив, что центр основания стал прозрачным. Под действием необъяснимого течения резолитовая плита истончилась в том месте, куда стекали бледно-голубые потоки, и растаяла – Архипов отчетливо видел оплавленные края, в их толщине бледно-голубой свет преломлялся и рассыпался в сотни микросхем.

Внизу, под некрополем храм Се-Терра, оказалась еще одна полость. Арх не мог оценить ее размеры, но прямо под его

ногами, подвешенная в пустоте, серебрилась миллиардами микроскопических огней... галактика. Массивный, ослепительно яркий центр с агатовым зрачком черной дыры, спиралевидный вихрь звездных систем и созвездий с хрупкой на вид линией-перемычкой, от которой закручивались два рукава.

– Та самая галактика? Это все-таки правда?

Еще раз беспомощно посмотрел на безмолвный коммуникатор и приборы, даже зачем-то постучал по монитору пальцем. Заснять, чтобы потом анализировать – было бы идеально. Но сегодня оставалось только запоминать и надеяться на собственную память.

Он опустил на одно колено и всмотрелся – что бы это ни было, но оно поднималось. Центральная, более плотная и выпуклая часть с черным зрачком-дырой уже возвышалась над поверхностью. Выпуклая, плотная «таблетка», с четкими, будто нарисованными краями.

– Да не голограмма это нифига, – пробормотал он, с трудом сдерживаясь, чтобы не дотронуться.

Галактика выглядела как настоящая. Крошечная – в размерах галактики, наверно, «нано»-галактика, – но реальная.

Оказавшись в бледно-голубом потоке, она сжалась и прекратила вращение, замерла.

Края стали более четкими. Лучи лились сверху, проникая насквозь, опутывая. Из центра крошечной галактики выбился луч, дрогнув, распался на сотню лепестков. За ним – еще

и еще один. Каждый раз рассыпаясь на хрупкие хрустальные лепестки, фиксируя слой за слоем звезды в неизвестной галактике. И с каждым слоем от цветка кругами разбежалась высвобождаемая энергия, Архипов чувствовал ее – она ударяла по грудной клетке, насквозь прошивала скафандр и сбивала дыхание. Она оглушала. И, формируясь в потоки, уходила вверх.

Хрупкие, как крылья стрекозы, лепестки, потянулись вверх, будто собираясь в закрытом бутоне, но тут же распались вновь. Архипов видел идеальные формы идеально сделанного создания. «Цветок» повис на световых лучах, словно бабочка в паутине, медленно опустился на основание.

Мужчина с удивлением смотрел как неизвестная галактика, которую прятали жрецы Се-Терры, кристаллизовалась.

Архипов слышал только собственное дыхание, отдаленно понимая, что время продолжает течь. Светло-голубые потоки медленно остывали на гранях цветка неизвестными письменами.

И в этот момент все оборвалось.

Последнее, что запомнил Саня Архипов – это придавившую его черноту. Она отбросила его к стене – он отчетливо почувствовал удар – и безжалостно увлекла вниз. Тело, потеряв ориентиры, падало бесконечно долго. Или летело вверх – Архипов уже не мог разобрать.

Короткий вдох – перед ним расцвела галактика. Та самая – он ни с чем ее не спутает. Так близко, будто на собствен-

ной ладони, будто он на ее границе, в шаге от пограничной станции, но уже увлекаемый ее величественным движением.

Шум космического ветра в наушниках, тихий голос Линды. «Архипов, я тебя убью, не смей от меня исчезать!». Кажется, она плачет. Кажется, в ее жизни произошло что-то. Что ее сильно огорчило.

– Я здесь, Лин, я никуда не уйду, – прошептал буднично. – Только посмотри, какая тут красота...

«Архипов, ты где? – ее голос растерян и напряжен. Она шмыгает носом и слушает, затаив дыхание. – К тебе спустился Сурф. Он вытащит тебя...»

– Лин, представь, я только что открыл целую галактику... Она существует. Правда. Я назову ее твоим именем. Потому что она так же прекрасна, как ты...

«Архипов!» – девичий голос спутался с космическим ветром, окончательно растерял свою плотность, став призрачно-прозрачным, неразборчивым эхо.

Архипов наблюдал за галактикой, чувствуя, что превращается в вечность.

* * *

Киль Сурфок скользил над поверхностью ЗН-28: поверхность то и дело ловила блики прожекторов его бота.

Ровная площадь, прикрытая разрушенным куполом, три выхода – тоннеля, два из которых завалены и почти разру-

шены, третий вел вниз. У его границы – замерший и отключенный бот и распластавшееся лицом вниз тело. Клириконец замер над ним, снизился, попробовал вызвать по внутренней связи – не отвечал.

Тогда ему пришлось спуститься еще ниже и перевернуть скафандр.

Через испачканное кровью с внутренней стороны стекло не разобрать, кто это был. Сурф дотронулся до плеча пострадавшего, активировал и перезапустил принудительно персональный коммуникатор.

«Тайго», – отметил по отметке на шлеме.

Пока загружался коммуникатор, подсоединился к нему напрямую. Первое, что увидел, дождавшись завершения загрузки – отсутствие биопараметров. Последняя секунда записи – выход всех параметров в красную зону и резкой падение. Сомнений не оставалось – Тайго мертв.

Сурф зафиксировал время гибели Тайго.

На повороте обнаружил тело Арлана. Он лежал навзничь, на животе, беспомощно протянув руки к выходу. Возможно, пытался убежать. Коммуникатор зафиксировал наступление смерти в тот же момент, что и Тайго.

– Что здесь произошло? – растерянно пробормотал.

Двинулся дальше.

У выхода в некрополь нашел еще одно тело: рука, затянутая в перчатку, безвольно повисла на рулевом управлении. Бот завалился на бок и рассек лопастями скафандр. Сурф

заглянул за стекло шлема – так же все в крови. Коммуникатор показал такой же скачок биопараметров.

Время смерти совпадало.

Он выпрямился, тихо чертыхнулся.

– Сурф, что с Архом? – Голос оставшейся на страховке Линды. Не думал, что ее будет интересовать только землянин.

Но и он его интересовал больше других. Правда, очевидно, что по другой причине.

– Тайго, Фрил и Арлан мертвы, – отозвался сухо.

Девушка коротко вскрикнула, но быстро взяла себя в руки – за умение не раскисать, собственно, она и оказалась в его команде.

– Я вижу Арха... У него работает маячок на скафандре. И пробивается сигнал. Фонит, но попробую определить его местонахождение.

– Запись веди, – тихо скомандовал, возвращаясь к боту.

Он нырнул в некрополь. Завис под куполом, освещая пространство: гладкие стены икосаэдра хранили угасающее свечение – откуда оно здесь? Тонкие, напоминающие царапины или нити гигантской микросхемы, узоры, поднимались к потолку, где таяли бесследно.

На дне, темнела бесформенная куча – разломанный надвое бот с отвалившимися колесами поблескивал в свете прожектора, под ним, раскинув руки, лежал человек. Сурф уже не надеялся обнаружить живыми никого из своей коман-

ды, посветил по сторонам: чуть правее, у стены обнаружил такое же обездвиженное тело. Граах.

Пятого тела нигде не было видно.

Внизу, в самом центре треугольного основания светилось нечто. Бледный, едва различимый свет.

Сурф осторожно спустился ниже. Шагнул к невысокому пьедесталу.

На гладкой полированной поверхности таяли остатки каких-то неведомых Сурфу знаков и горел каменный цветок. Подрагивал остроконечными хрустальными лепестками. Небольшой – легко поместился бы в ладонь клириканца, полупрозрачный, с затемнением в центре. Короткий ребристый стебель, треугольный в сечении поддерживал композицию.

– Сурф, я вижу Арха, – взволнованный голос Линды вырвал из оцепенения.

Сурфок насторожился:

– Где он?

– Прямо перед тобой.

– Передо мной? – клириканец скользнул взглядом по пустоте, с подозрением уставился на хрустальный цветок – тот самый цветок, вирткупию которого ему прислал анонимный заказчик.

– Да, Сурф. Я ему сказала, что ты к нему спустился... А он про какую-то галактику говорит. Он в норме? Ранен?

Сурфок прищурился, кивнул.

Сообразив, что говорят по голосовому передатчику и девушка не видит его кивков, отозвался?

– Судя по всему, в норме. – Соврал.

Он протянул руку и снял бутон со «стебля». В этот момент помещение храма полыхнуло ярко-голубым, рассыпав по стенам изображение лица землянина Арха и отсветы далекой галактики.

Словно последнее воспоминание живого цветка.

– Линда, – девушка всхлипнула вместо ответа. – Готовь якоря, заводи двигатели, мы снимаемся.

– А... Но он там, я вижу его, Сурф! – Голос Линды дрожал, рассыпаясь в груди на осколки.

Она не договорила.

– Нет времени забирать отсюда трупы. Наше окно закроется через тринадцать минут. Иначе мы присоединимся к ним.

* * *

Спустя несколько часов, борт фрегата «Аякс»

Киль Сурфолк смотрел на подрагивающий в креплениях аппарат. Тот, кто отправил его и его людей на эту бойню, точно знал, что эта вещь значит. И знал, на что отправлял исполнителей. Как и то, что он, Киль Сурфок, в такие игры не играет: каждый вправе знать, под чем подписывается.

Он мрачно окинул взглядом прочерки в бортовом журна-

ле. Пять отличных ребят остались там, на ЗН-28.

Фрил, Арлан, Граах, Тайго... Арх.

Сурф отбросил угрызения.

Каждый – на вес золота.

Каждый пошел за ним, чтобы выторговать себе свободу и получить право на жизнь.

И каждого из них он подвел.

Сомнения, что он оставил землянина на мучительную смерть там, на Галоджи, полоснуло в груди.

Киль выписал суммы вознаграждения, которые должен был перечислить каждому из них, добавил сумму компенсации, которую получит родственники погибших. Подвел итог. Добавил стоимость уничтоженных ботов и оборудования. Получилось 1,8 биллиона тумаров. Округлил до двух. Указанную сумму отправил заказчику с вирткопией лежащего на его столе энергона. Поставил отметку «без торга».

За все надо платить.

За свободу иногда приходится расплачиваться жизнью. Власть же всегда стоит денег.

Смотрел на цветок до тех пор, пока у него не заболели глаза. Каждый лепесток – произведение искусства. А если долго смотреть, то начинаешь видеть, как оживают звезды, а внутри горит чужая незнакомая галактика: массивное огненно-белое кольцо с черной дырой в сердце, два рукава соединены перепонкой.

Сердце екнуло, пропустив удар – клириканец отчетливо

увидел силуэт человека на фоне ослепительно белой звезды. Галактика на лепестках энергона вспыхнула на мгновение и погасла, исчезая в слоях хрустального цветка.

Проект «Омега»

– Оператор 2-14, прошу подтвердить готовность.

– База, это оператор 2-14, готовность подтверждаю.

В радио эфире – привычные помехи, словно шелест времен. Гбворов относился к ним с особенным трепетом и почтением, оставляя в эфире. Старший группы техников ворчал, но со временем смирился: в конце концов ему приходилось работать и не с такими чудачками. Другие в космическую археологию не шли.

– Внимание, бортовой журнал. Запись тысяча семьсот первая. Приступаем к активации высокочастотного 3d-модулятора «Омега». Этап один.

На огромном изогнутом дугой экране одна за другой загорались красные точки – маячки, расставленные по поверхности планеты NZ204. Группа инженеров трудилась над их установкой без малого месяц. Андромеда – так они между собой прозвали начальницу археологической экспедиции, даму внушительных габаритов, с низким голосом и взглядом вечно голодного удава – скрупулезно проверяла установку каждого бота, требуя его локализацию в соответствии с планом-схемой с точностью до сантиметра. Андромеда, на самом деле Софья Викторовна Аганесян, была потомственным археологом, доктором наук и Действительным членом Научного исторического общества. Считалось, что ее интерес к

их экспедиции – это большая удача. Говоров помалкивал и не спорил, но руководство сварливой и въедливой начальницы, даже компенсированное новейшим оборудованием и усилением группы спецов, удачей не считал.

– У ботов радиус действия 5 метров, – бормотал Говоров, в сотый раз отправляя уточнение инженеру-технику. – Зачем эти сложности на пустом месте?

В самом деле, как объяснить женщине-ученой, что план-схема составлялась на Земле, еще без точных данных по рельефу местности, и по факту оказалось, что некоторые точки просто невозможно использовать как устойчивую базу для бота.

Инженер-техник Трофимов Жека – старинный друг Говорова, работавший на расстановке ботов на местности, тихо матерился, но делал, как велела Андромеда. Та только отечески похлопывала по плечу Говорова.

Огоньки на изогнутом экране тонкими красными линиями соединились в единое полотно, словно паутину. Андромеда замерла за спиной Говорова, наблюдая за последовательным запуском программы. «Омега» была разработана ее отцом для поиска экзопланет. Изначально планировалось, что главная установка будет базироваться на исследовательских судах НаучФлота, а уже разведывательные зонды будут направляться к интересующим землян планетам и собирать данные. Уникальная конструкция бота позволяла внедряться в поверхность планеты с любой плотностью

поверхности и закрепляться на ней с помощью многопрофильной платформы. Щуп буравил расчетную глубину. Радио сигнал соединял все боты в сеть, позволяя точнейшим образом делать аэрофотосъемку планеты, фиксировать изменения ландшафта, состав почв и сред, фиксировать малейшие колебания, попутно собирая необходимые пробы грунта. Главная установка собирала все данные и отправляла их на Землю для анализа.

В случае их экспедиции данные поступали на центральный пульт, над которым, словно Кашей над золотом, чахла Андромеда.

– Нежнее, Сашенька, – простонала она, заметив, как резко Говоров переключил тумблер главной установки, переведя боты в рабочее положение.

Это «Сашенька» Говорова особенно коробило. Какой он ей «Сашенька»? Он кандидат наук и старший научный сотрудник Института внеземной археологии. Этот проект – его разработка. Это он обнаружил в ареале обитания африканского племени сурма обломки иноземного происхождения. Это он идентифицировал их как фрагменты упавшего на Землю тысячи лет назад космического аппарата. Это он поднял на уши Академию наук и организовал комплексную экспедицию в закрытое и нелюдимое племя. Это благодаря его этнографам удалось установить подлинность родовых легенд о внеземном происхождении племени, и, больше того, выявить связь ритуального рисунка на телах дикарей с картой

звездного неба и установить систему, откуда мог прибыть их корабль. Исходя из радиоуглеродного анализа найденных в Африке обломков, ученые пришли к выводу, что катастрофа произошла на рубеже тысячелетий, примерно в 70 году до н. э. То есть племя сурма вряд ли были родоначальниками человечества. Но они стали единственным доказанным фактом контакта землян с внеземным разумом.

Это он, Говоров, должен был руководить экспедицией к NZ204, а не Андромеда.

Он подавил нарастающее в груди раздражение. Уставился на красную сетку на экране, чтобы вернуть себя в рабочее состояние.

– Оператор 2-14, активация ботов первого уровня, – командовал он старшему группы инженеров-техников, работавших над поверхностью и непосредственно руководивших работой зондов.

NZ204 стала второй планетой в системе, на которую пал выбор планетологов: ее сестра, NZ204-альфа, оказалась молодым газовым гигантом, не пригодным к расселению. Сама же NZ204 сейчас была полностью необитаемой.

«А ведь 2000 земных лет назад она могла быть близнецом Земли», – с тоской подумал Говоров, уже представляя заголовки газет. Сложно представить, какие в таком случае артефакты могут быть сокрыты на планете, и как это продвинет космическую археологию, в задачи которой пока входил только ретроспективный анализ развития экзопланет.

Говоров устыдился своих мыслей, покосился на Андромеду, будто она могла подслушать их, подключил внешние сканеры, направил их на поверхность. Рыхлая, покрытая газо-пылевыми облаками поверхность NZ204. Сонар фиксировал многочисленные пустоты на глубине от пяти до пятнадцати метров. Что это: здания, инфраструктурные объекты – пока оставалось неясным. Перед «Омегой» на первом этапе стояла задача комплексной фиксации рельефа и первичный анализ.

– Сань, – инженер-техник вывел его из раздумий, – прием... Боты первого уровня активированы. Первый пакет данных на борту. Перехожу к активации второго уровня.

Перед глазами Говорова прорисовывалась развернутая карта местности. Пока фрагментарная, вырывающая из забвения следы ушедшей цивилизации. Горы, лощины. Морщины высушенных русел. Так похожих на земные.

Андромеда шумно выдохнула за соседним экраном. Саня Говоров понял – впечатлена.

– Софья Викторовна, нервничаете?

Ему едва удалось скрыть злорадство. Даже если она стала официальным руководителем экспедиции, все равно все знают, что это он, Александр Говоров, нашел планету-прародительницу части населения Земли. А может, и всего населения. А может...

– Да нет, Сашенька, зачем нервничать. Я думаю – какими они были, эти дома? Ищу хоть одну прямую линию и не на-

хожу... Может, и не в домах они жили.

Александр понял, о чем она говорит – не первый раз фотографии фиксировали следы внеземных цивилизации: то лицо сфинкса, обращенное к небу, то следы протекторов или остовы очистных сооружений. Всякий раз это оказывалось игрой света или неудачным ракурсом. На NZ204 боты-разведчики зафиксировали причудливые сферы-многогранники, рассыпанные по поверхности конгломератами. Говоров прекрасно помнил все разговоры в научных кругах об очередной «псевдонаучной» ерунде, которая отвлекает технические мощности НаучФлота от настоящих исследований.

Тогда за проект вступилась Андромеда.

– Ага, в землянках... Из землянок и к звездам полетели... – отозвался мрачно. – Все-таки настолько амбициозные проекты – признаки высокоразвитой индустриальной цивилизации, с высокой степенью интеллектуализации населения.

Андромеда не стала с ним спорить. Она вообще не спорила. Она внимательно всех слушала и выдавала окончательное решение.

Александр сохранил первый пакет данных, зашифровал канал и приготовился ждать второй пакет, который должен был заполнить пустоты. Пока карта NZ204 выглядела как съеденная молью шаль.

– Кстати, ее ведь надо назвать! NZ204 – это разве название для прародины человечества?

– Название... Это разве главное сейчас? – Андромеда будто осуждала его. – И потом, ты же сам говорил, что сурма появились сильно после первого человека, какая прародина? – напомнила Андромеда.

Говоров прекрасно это знал.

– Ар... – он прикусил язык, едва не обратившись к начальнице по прозвищу. – Софья Викторовна, подумайте сами: мы нашли один из аппаратов. Сколько их было до него? Сколько было тех, кто не сохранил свой первичный ареал обитания и древние легенды? – он задумчиво уставился в экран. – Возможно, мы зафиксировали только вершину айсберга.

– А здесь думаете найти его основание? – в голосе Андромеды звучало сомнение. – Вы рассчитываете сделать революцию в науке?

Вот тут уже точно, ее вопрос сочился неодобрением. Говоров вспылал:

– А почему, собственно, вы думаете иначе?! Или это такая форма поощрения – все ставить под сомнение, любую научную гипотезу?

– Гипотезу, это вы верно отметили, Сашенька, – Андромеда полоснула его угольно-черным взглядом. – А гипотезу еще надо подтверждать. И до этих пор она не более чем одна из возможностей. Или, может, в научных кругах уже есть какие-то иные определения, а я о них не знаю?

Она повернулась к нему. Говоров стушевался. «Черт меня дернул начать спорить? – ругал себя. – Теперь она будет

думать черт знает что... Еще от работы отстранит за несдержанность и конфликтность». От последней мысли бросило в жар – если его отстранят, он просто с ума сойдет. Он ни за что не отдаст свой проект.

– Нет... Я, очевидно, неправильно выразился. Прошу прощения за некорректный тон.

Динамики вовремя ожили – голос Жени Трофимова спас от неловкости, избавив от продолжения неудобного разговора:

– База, ловите второй пакет. Активирую третий уровень... Сань, мы по графику производства работ должны за сегодня третий и четвертый сделать, но я предлагаю перенести четвертый на завтра.

Говоров развернулся в экрану, склонился к микрофону:

– Жека, а чего так? Успеем же...

– А ты разверни данные по магнитным колебаниям и сам посмотри. На северное полушарие NZ204 пылевой шторм надвигается. Данные все равно будут с помехами и завтра придется переснимать... – Трофимов замолчал, ожидая, пока шумы в эфире погаснут.

Говоров открыл нужный файл. График магнитных колебаний, в самом деле, резко полз вверх, намекая, что скоро будут проблемы со связью.

– Что скажете? – он решил не нарушать протокол и дожидаться решения начальника экспедиции. – Это отклонение от плана...

Софья Викторовна кивнула:

– Согласна, переносим четвертый этап на завтра.

Трофимов, услышав грубоватый голос начальницы, заметно повеселел.

– Тогда лови...

Сигнал прервался. Что они должны «ловить», Говоров не услышал. Он нажал кнопку вызова:

– Жека, что у тебя, как слышишь меня?

Андромеда бесшумно встала и оказалась у него за спиной, пристально разглядывая, как данные второго пакета заполняют пустоты.

– Что с Евгением?

– Связь пропала, – рассеянно отозвался Говоров. Он терпеть не мог, когда начальница так делала – вставала у него за спиной: у нее точно такой же экран, с точно таким же функционалом, откуда эта любовь наблюдать из-за плеча и все контролировать? Нервно повел плечом, будто сбрасывая взгляд начальницы, переключил связь на соседнюю волну: – Оператор 2-14, Жека, как слышишь меня, прием?

– Обнови данные пеленга, – посоветовала Андромеда.

Он и сам знал, что это надо делать по протоколу, но боялся: вот она, синяя точка, обозначающая его друга и товарища Жеку, а обновит... вдруг ее не станет?

Зафиксировав последние координаты шлюпки техника, он обновил карту: синие точки планомерно собирались в один квадрат, откуда их должен был забрать на борт основ-

ной корабль. Девятнадцать вместо двадцати, он пересчитал трижды. Сверился с реестром позывных, Жеки среди зазвонивших о готовности перейти на борт, не оказалось.

«Где же ты?» – сердце болезненно сжималось в тугой узел.

Говоров вызвал диспетчера шлюзового отсека:

– Скажи, у тебя шлюпка 2-14 отображается?

– Нет. Шлюзы закрыты, на борт вернулись девятнадцать из двадцати техников и один рембот. Я хотел с вами связаться, думал, 2-14 какое-то поручение по программе производства работ выполняет.

Говоров почувствовал, как по спине стекла струйка холодного пота, порывисто выдохнул. Мигнул сигнал внутренней связи – это был Ерофеев, бригадир инженеров-техников.

– Ребят, Трофимова вы не просили задержаться? – Ерофеев шумно сопел в динамик, очевидно, бежал.

– Нет. Он должен был вернуться на борт со всеми.

Створки распахнулись, в штаб экспедиции, стремительно вошел Ерофеев, одновременно отключая внутреннюю связь на интеркоме.

– Я видел, как его шлюпка снизила скорость и отстала от основной группы. Вызвал Трофимова, он ответил, что «шас-шас» и отключился. Повторный вызов проигнорировал...

– Проигнорировал – это сбросил входящий сигнал или не ответил? – Андромеда, скрестив руки на груди, по-прежнему стояла за спиной у Говорова.

Ерофеев с шумом опустился на свое рабочее место:

– Не принял сигнал... Какая разница?

– А такая, что или у него проблемы со связью, или с головой...

Говоров, не отрываясь от экрана, напомнил:

– Он первым предложил перенести четвертый этап на завтра, сославшись на бурю. Не мог он просто так рисковать... Да и незачем ему...

В отличие от него, для Жеки эта экспедиция – рядовая работа. Ему без разницы, на каком объекте работать, никаких амбициозных планов по открытию прародины человечества он не лелеял. Просто качественно выполнял свою работу. И вот почему-то отклонился от инструкции и пропал: Говоров раз за разом проверял все запасные волны, активировал датчики слежения и маячки, вызвал изображение с внешних видеозеркал шлюпки.

– Он мог уйти на теневую сторону, – предположила Андромеда. – Или спуститься ниже грозового фронта, сигналам мешают помехи.

Говоров встал:

– Я отправлюсь его искать.

Андромеда отозвалась спокойно и категорично:

– Нет. Вы займетесь исполнением своих прямых обязанностей, а поиском Трофимова займутся те, кто имеет для этого квалификацию и опыт.

– Но...

Начальница уже вызывала по интеркому старшего помощ-

ника корабля. После короткого разговора с ним, сообщила:
– Им нужно скорректировать высоту орбиты, капитан опасается, что буря заденет и наше оборудование. Хотят перестраховаться.

– Что значит «перестраховаться»? – Говоров почувствовал, как у него краснеют уши.

– Они созывают совещание, – Андромеда повысила голос, – чтобы выработать наиболее приемлемую тактику. А до этого момента выясняют, что с бортом Трофимова.

* * *

Говоров прекрасно знал борт Жеки Трофимова – небольшое техническое судно, похожее на батискаф. Оно было предназначено для работы на околопланетной орбите, выполнения мелкого ремонта в космосе, не имело посадочного модуля и возможностей маневрирования в атмосфере. Если Женькин борт пересек штормовой фронт, потоком низкого давления его могло затянуть под грозовой фронт. И выбраться из такой ловушки его неуклюжей шлюпке просто не было шансов.

– NZ204 – ни разу не курорт, – Говоров скосил глаза на экран, на незаполненные данными пустоты. – Я понимаю капитана, он в ответе за сохранность корабля, обеспечение его живучести. Но вы, Софья Викторовна... Вы же отвечаете за участников экспедиции, верно?

Андромеда бросила на него суровый взгляд:

– Что ты предлагаешь, Саша?

– Я предлагаю взять катер, вроде «Калинки», который сможет при необходимости снизиться до поверхности NZ204 и даже сесть на нее. И выяснить на месте, что с Трофимовым.

– Для этого тебе надо сперва узнать, где он.

Словно услышав ее слова, сигнал с маячка со шлюпки Трофимова прорвался сквозь пелену облаков. Громов бросился к дешифровщику: на экран выпорхнуло короткое, не долгие полутора секунд видео с поверхности NZ204 – коричнево-красные облака, почти черные причудливые силуэты скал, закрывающие горизонт, и – совсем рядом – словно фасеточные глаза стрекозы, сферические образования. В кадр попал покореженный фрагмент обшивки с частью бортового номера аппарата – свидетельство его повреждения при падении.

Дрожащими пальцами Говоров раскрыл вложенные в сообщение данные – координаты падения. Сердце стало тяжелым, билось в груди, словно ударяло в набат. В ушах стоял звон, а перед глазами раскрывалась карта NZ204 с отмеченной красным точкой, местом падения борта 2-14.

– Мы знаем, где он находится. – Он постучал ногтем по изогнутому экрану. – Этот квадрат есть на фотосъемке ботов-разведчиков, это один из обнаруженных конгломератов. Мы не знаем степень повреждения шлюпки, эта часть файла

отсутствует. Не знаем, ранен ли он. Мы не можем воспользоваться роботами, так как до окончания бури с любым аппаратом на поверхности будет утеряна связь. Поэтому считаю, что для спасения Жеки придется спускаться кому-то из членов экипажа. Я прошу разрешения на спуск. – Заметив протестующий жест Андромеды, заговорил быстрее: – Я работал на Марсе, проходил подготовку на Луне. У меня летный сертификат, в конце концов... Я знаю, что делать в такой ситуации и лучше, чем кто бы то ни было на борту, знаю все первичные данные по NZ204. – Он посмотрел на начальницу, прошептал: – Жека мой друг со школы. Я его подбил поехать в эту экспедицию... Прошу, Софья Викторовна...

Андромеда устало прикрыла глаза:

– То есть в ситуации возможной гибели одного члена экспедиции, ты мне предлагаешь рискнуть жизнями уже двух ее членов?

Говоров не отпуская ее взглядом:

– Я его вытащу.

Он старался вложить в интонацию всю свою уверенность, всю силу.

Начальница вопросительно посмотрела на Ерофеева, тот кивнул:

– Саня дело говорит. Не думаю, что капитан будет против: у Говорова, правда, отличная подготовка и вся необходимая разрешительная документация... – Он нахмурился. – Тут еще какое дело – этот квадрат мы должны были подклю-

чать завтра. Поэтому сейчас, несмотря на то, что у нас есть визуал от ботов-разведчиков, мы не знаем фактическую стабильность почвы в том квадрате, куда упал борт Трофимова. И промедление... В общем, я бы рискнул...

Андромеда снова посмотрела на Говорова:

– Ты отдаешь себе отчет, что до окончания бури мы не сможем оказать какую-бы то ни было помощь с воздуха?

Александр кивнул:

– Понимаю.

* * *

Александр задержался на орбите, выровнял скорость катера. Активировал установленные на «Калинке» зонды – простреливал газо-пылевое облако в поисках более-менее безопасного фарватера через бурю. Найдя лазейку, ловко нырнул в поток, выставил дополнительную внешнюю защиту от крупных фракций камней, поднятых с поверхности. Скорректировал траекторию посадки. Настроил автоматический передатчик – он будет отправлять на базу обновленные данные каждые десять минут. Условие капитана корабля.

Буря на NZ204 бушевала на высоте от полутора тысяч километров и выше, вплоть до верхних слоев тропосферы. У поверхности же оказался штиль и благодать, если не считать мелко накрапывающий радиоактивный дождь с примесями кислот.

– Приветливая планета, чего уж, – пробормотал, глядясь в темные экраны визиров в поисках Жекиного бота.

Развороченную шлюпку школьного друга обнаружил на краю оврага. Наверно, когда-то это был высокий каменистый берег озера или внутреннего моря. Сейчас не разобрать – все покрыто толстым слоем буро-красного песка с мелкими, словно алмазная крошка, вкраплениями льда.

– Шлюпка сильно деформирована при падении, купол расколот, – Говоров записал сообщение для бортового журнала, сделал фото- и видео съемку, отметив, что Жеки в салоне нет.

«Калинка» зависла над поврежденным корпусом шлюпки 2-14. Прожектор осветил ее, поймал дорожку следов, тянущуюся до ближайшей горной гряды, к конгломерату «фасеточных» сфер. Судя по тому, как смазана правая часть цепочки, Жека повредил ногу. И это было совсем нехорошо. Рядом с основной дорожкой следов Говоров обнаружил еще одну – небольшие в сечении ромбы отпечатались на поверхности и тянулись туда же, к конгломерату. «Костыль?» – подумал, и это было еще более скверно. У корпуса шлюпки валялась раскрытый ремкомплект с надорванными обертками от спецпластыря.

«Черт, еще и со скафандром беда».

Катер Говорова застыл у поверхности как раз в том месте, где дорожка Жекиных следов исчезала за камнями. «Если при разрушенном своде шлюпки, у него поврежден ска-

фандр, он должен был спрятаться от бури и ядовитого дождя где-то недалеко, но с надежным укрытием» – рассуждал Говоров, настраивая катер – его он оставил парить над поверхностью, в режиме готовности. Захватил дополнительный ремкомплект, похлопал по бедру – проверил наличие ампулы с антисептиком и дезактиватором. И спрыгнул вниз.

Свет фонарика нырнул между камней, в сторону конгломерата. Вблизи сферы оказались выполненными из мутного серо-черного материала. «Фасеточные» купола напоминали пчелиные соты – аккуратные одинаковые шестиугольники плотно примыкали друг к другу. Некоторые грани оказались повреждены. В одном из таких провалов, очевидно, и спрятался Жека – цепочка следов на пыльной поверхности камней говорила именно об этом.

Говоров включил коммуникатор, вызвал друга:

– Жека, это я, Саня. Я снаружи, у входа. Слышишь меня?

Свет фонарика пробил темноту внутри провала, достиг противоположной стены. Пусто. Говоров осторожно заглянул внутрь.

– Жека, ты здесь? Мигни фонариком хоть...

В динамиках – ни звука. Самого Трофимова тоже не видно.

Говоров посветил себе под ноги – в пыли отчетливо отпечатались ботинки техника. И ромбовидный след костыля. Дорожка следов оказалась единственной и вела внутрь. «Он здесь».

– Нафига ты дальше-то пошел? – крикнул Говоров и про-
бормотал себе под нос: – Никакой техники безопасности, па-
разит, не соблюдает.

Сняв с руки небольшую, размером с пуговицу, пластину, активировал разведбота. Коснувшись пола, аппарат выдвинул антенны и визиры, выставил крохотные ножки и засеменял перед человеком. Отойдя на пару метров вглубь помещения, замер – отсканировал пространство и дал зеленый маячок – можно двигаться. Говоров, вздохнув, направился внутрь.

Здесь было пыльно, но уже не так, как снаружи. Следы Трофимова то появлялись, то исчезали на абсолютно гладкой поверхности. «Интересно, что это?» – то, что перед ним – не природное явление, сомнений оставалось все меньше: внутри проступали силуэты какого-то оборудования. Пару раз Говоров споткнулся о выступающие направляющие, наткнулся на метровые катушки с чем-то белым, возможно – проводами.

Бот вел его к стене, соединявшей этот купол с соседним – там отчетливо проступал проход. Именно из него послышался шорох.

Говоров застыл, отвел фонарик в сторону, вглядываясь. Светлый силуэт мелькнул и пропал.

– Жека?

Шелест в динамиках. Разведбот просканировал пустоту, выдав на монитор коммуникатора мутную тень в центре –

кто-то или что-то двигалось сюда. Говоров уже потянулся за оружием, когда в динамиках, наконец, отчетливо послышалось шипение и голос:

– Саня! Иди сюда, говорю!

– Трофимов, я тебя почти пристрелил! – Говоров перешагнул через разведбота и направился к товарищу. Крошечный красный огонек повис, не замеченный.

– Иди сюда, говорю. Я тут тако-ое нашел! Ты точно обалдеешь, – Трофимов развернулся и, прихрамывая, направился назад.

– Ты хромаешь, я с собой ремкомплект взял.

Жека отмахнулся:

– Ерунда, я подлатал... Ты знаешь, я как жахнулся сюда, сразу вспомнил фотки, которые миссия «Прометей» добыла – эти не то стрекозиные глаза, не то сооружения. Вспомнил, как ты бесился из-за статьи... как там его...

– Филатова... – это был научный оппонент Говорова.

Он считал, что космическая археология – ересь, едва ли достойная называться наукой. Потому что археология предполагает изучение исторического прошлого объектов, у которых это самое историческое прошлое есть. А какое историческое прошлое у каменюки, даже болтающейся где-то в космосе? Космическая археология в его статье – это «обычная планетология, приправленная пафосом и несостоявшимися амбициями неудачников, грезящих о всемирной славе первооткрывателей».

Даже сейчас, едва вспомнив содержание статьи, Говорова передернуло, а в груди расплзлось едко-горячее пятно.

– О, Филатов... Точняк. Так вот, я пока падал, заметил, что сооружения строго на север ориентированы, что грани этих сот одинаковые.

– У пчел они тоже одинаковые на вид, – отметил Александр, оглядываясь по сторонам.

Они миновали помещение за помещением. Кое-где с поверхности пробивался тусклый коричнево-красный свет. Кое-где гладкие плиты пола оказывались покрыты слоем песка. Душа ликовала – это сооружение построили разумные существа! «Вот Филатов захлебнется! Пусть хоть галстук свой сожрет, ничего не попишешь: вот они, доказательства внеземного разума!». И сделал несколько снимков. Приблизил стык плит и тоже сфотографировал.

Жека шел, чуть волоча ногу и опираясь на палку – вырванный рычаг рулевого наконечника. Говоров хмыкнул.

– ... Вот именно, на вид, – продолжал, захлебываясь Жека, – я поэтому и пошел замеры сделать.

– А я думал от кислотного дождя прятаться.

– И от него тоже... – Он внезапно остановился: – Слушай, ты так говоришь, будто не рад, что я доказал твою гипотезу!

Говоров засмеялся:

– Тебе показалось, я рад.

– Смотри у меня, а то не покажу ничего.

Говоров уже и сам увидел.

Они вошли во внутренние помещения. Здесь были более низкие, но такие же сводчатые потолки, почти не было пыли. По периметру тянулось нечто наподобие пультов управления – небольшие овальные «блюдца» замерли в воздухе на гибких держателях, словно древесные грибы.

– Это ж какого роста они должны быть, чтобы работать за такими операторскими пультами? – Жека уже присел за одно из нижних «блюдец», попробовал дотянуться до соседних. При его росте в метр девяносто, он едва смог коснуться перчаткой основания стойки. – Это какие надо руки иметь, а? Может, легенды о великанах не врут? Может, первые люди были правда гигантами? – не унимался Женька. – Интересно, а где мониторы у них?

Он всегда был фантазер. Удивительно, как он вообще пошел в инженерное.

Говоров достал фотоаппарат, сделал панорамную съемку. Очень удачно, что Трофимов оказался в кадре, сразу понятен масштаб помещения. Разведбот терся у ног и продолжал мигать красным.

– Чего это он у тебя? – Жека кивнул на небольшой аппарат.

Говоров пожал плечами:

– Пыль, наверное – забился.

Наклонился к боту, выключил его и небрежно сложил, закрепив на панели нарукавника. Подумав, вытащил второй бот и активировал его. Новый аппарат, просканировав про-

странство, отправил на коммуникатор данные о пустотах за стенами операторского зала. Говоров огляделся в поисках дверей во внутренние помещения. Но ничего, кроме шахты, ведшей отвесно вниз, не обнаружил. Трофимов уже стоял у ее края:

– Скорее всего, это подъемник... – предположил, рассеянно дотронувшись до шлема, будто, забывшись, хотел почесать в затылке. – Странно, что никаких креплений или фиксаторов нет. Если есть механизм, то по идее, он должен как-то работать.

– А если в основе, например, какая-то энергетическая установка?

Трофимов осветил фонариком внутрь:

– Метров пять глубиной. Вижу дно. Сухое, гладкое.

Говоров направил внутрь шахты разведбота. Тот, спустившись, снова дал красный предупреждающий маячок и отправил расшифровку на коммуникатор археолога.

– Там Т-образный коридор. Два рукава идут на север и на юг соответственно, упираются в какие-то пустоты. Третий тянется на восток, и на поверхность. От него могут быть ответвления в другие части здания... – Говоров посмотрел на школьного товарища: – Отправим разведчика?

– Давай посмотрим, что там за пустоты на севере и на юге, – предложил Трофимов. – Получается, они связаны с этой операторской, здесь за стенами тоже пустоты. Может, речь о какой-то емкости. Или это диспетчерская местного

аэропорта. Тогда в этих пустотах, готов поспорить, инопланетные летательные аппараты. И твой Филатов сдохнет от зависти, – Жека просиял.

Говоров обиделся:

– По-твоему я все это затеял, чтобы утереть нос Филатову?

Жека уже закреплял трос к одной из операторских стоек, засмеялся:

– По тому, как ты заводишься, сразу видно, что да... – Он подошел к краю шахты. – В момент устной речи подсознательное превалирует над сознательным. Парапράксис Фрейда! – Он поднял вверх указательный палец, обтянутый толстой перчаткой. – А Фрейд фигню не скажет!

И соскользнул вниз прежде, чем Говоров успел что-то возразить и напомнить о поврежденной ноге. А через мгновение Жека уже крикнул, приземляясь. Присвистнул:

– О-фи-геть... Говоров, тебе на это точно стоит посмотреть.

Александр уже приземлился рядом, проследил за взглядом товарища и присвистнул следом: огромное панно, наподобие древних барельефов в египетских гробницах. Вот крохотные эмбрионы помещаются в коконы. Вот они превращаются в людей. Вот десятки людей, вышедших из своих коконов, оказываются на плато. Над их головами – звездное небо. Вокруг них – космические корабли. Часть людей уже загружены в них. Другие ожидают своей участи.

– Не похоже, чтобы это было добровольным расселением, тебе не кажется? – Жека указал пальцем на ошейники и связанные руки.

И над всем этим, доминируя – гигантское восьмипалое существо с круглой головой.

– Это скафандр такой? – неуверенно предположил Жека.

– Это паук такой...

– О-че-шу-еть.

В самом деле, существо, руководящее процессом размножения и выращивания гуманоидов, их распределения и рассылку, словно бандеролей, было огромным пауком.

– А что, существование разумных арахнопов уже доказано? – Женька иронизировал.

Говорову было не до смеха: как воспримет научный мир, что человечество выращивалось пауками? В каких целях? Зачем было расселение...

– Может, они из гуманистических соображений? Ну, типа мы – самая устойчивая форма разумной жизни, руки-ноги – это удобно, и красиво, в конце концов... Особенно...

– Жека, заткнись, а? Дай подумать...

– А чего такого? Чего ты посмурнел? Ну, паучок. Или у тебя арахнофобия? Жаль, не знал раньше, когда в летний лагерь вместе ездили, я б тебя потроллил...

Говоров вспылал:

– Трофимов, помолчать ты можешь, ну хоть пару минут, а?!

– Да пожалуйста. Попросил бы нормально, чего орать-то, – Жека обиделся, отвернулся, поковылял по «южному» коридору дальше. Разведбот поскрипывал шарнирами перед ним.

Говоров остался один. Направив фонарик на панно, он изучал его мельчайшие детали, пытаясь понять атмосферу, ухватить те сигналы, которые могли бы подсказать, что именно происходит на нем. Этот паук – это аллегория? Или это не паук, а какое-то другое существо...

Из раздумий вывел рассеянный и расстроенный голос Трофимова:

– Сань... Ч-черт...

– Что там у тебя?

* * *

Софья Викторовна Аганесян знала, что за глаза ее зовут Андромедой. Так же знала, что прозвище приклеилось к ней из-за ее заместителя, Александра Говорова, парня амбициозного, грезящего об открытиях мирового масштаба и будущем космоархеологии.

Ей нравилась его горячность. Именно такие ученые и сворачивают горы. Именно таким и должны быть открыты дороги. Поэтому и выступила в защиту его проекта.

Ерофеев стоял рядом с ней и капитаном на мостике – на развертывающейся карте сектора они наблюдали, как от

местного светила оторвалось гигантское полотно корональной массы. Закручиваясь по спирали, протонный вихрь направился к планетам системы.

– У нас около десяти часов, чтобы убраться из зоны поражения, – сообщил капитан. – Нужно сворачивать все работы, если не хотим остаться без части чувствительного оборудования и системы навигации.

– У нас два человека на поверхности, – Ерофеев вспотел, вытер с виска капельку пота.

Андромеда покосилась на него:

– Сколько времени по прогнозу будет продолжаться буря?

– Порядка восьми часов...

Капитан покачал головой:

– Если мы будем ждать окончания бури на планете, то не успеем убраться из квадрата и уйти в тень, – он указал соседний газовый гигант. – Как ваш Говоров пробрался на поверхность? Вот таким же методом надо их забрать оттуда... Или им придется ждать спада солнечной бури.

– Вы с ума сошли? У них ни питания, ни медикаментов с собой нет... Эта ваша буря может и неделю продолжаться, как я понимаю.

Капитан развел руки:

– Значит, решено, их надо оттуда забирать.

* * *

– Что там у тебя?

Говоров сделал еще несколько снимков и направился на голос товарища. Десяток метров, поворот направо, к замершему у парашюта Жеке и... Дыхание сбилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.